

ОТ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОДИЧАНИЯ» ПСИХОЛОГОВ К СВЕТЛОМУ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ БУДУЩЕМУ

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Аллахвердов Виктор Михайлович — президент Санкт-Петербургского психологического общества, председатель Экспертного совета РПО, заведующий кафедрой факультета психологии СПбГУ, доктор психологических наук, профессор. Автор книг и статей по теоретической психологии, методологии психологических исследований, экспериментальной психологии сознания, психологии искусства, игровым методам обучения и т.д.
Контакты: vimiall@gmail.com

Резюме

Рассматривается ряд тезисов, выдвинутых в статье В.М. Розина, которые обсуждаются и опровергаются в жанре дискуссии.

Ключевые слова: *кризис психологии, психологическая наука и практика, естественно-научная и гуманитарная парадигмы, психологические законы.*

Жанр дискуссии предполагает дискуссию. Поэтому я выбрал отдельные тезисы из весьма содержательной статьи В.М. Розина и попробовал с ними не согласиться.

Тезис первый. Психология сегодня переживает глубокий кризис, хотя большинство психологов так не думают.

Комментарий. Психология переживает не временный, а перманент-

ный кризис, возникший с самого начала ее существования в качестве самостоятельной науки. Большинство психологов-теоретиков это осознавали и осознают.

Психология не успела толком еще сложиться как самостоятельная наука, еще не появилась на свет вундтовская лаборатория, а Ф. Brentano в 1877 г. уже пишет о кризисе в психологии. Пионерская монография под

названием «Кризис психологии» (автор — Р. Вилли) вышла в свет в 1898 г. Далее статьи и книги под таким же или близким названием появляются с завидной регулярностью. Впрочем, обсуждение кризисной ситуации в психологии было направлено на поиск новых путей развития науки. (И, кстати, не только психологической: отмечается, например, влияние монографии К. Бюлера 1927 г. «Кризис психологии» на эволюцию взглядов Л. Витгенштейна). Правда, в период развитого социализма в СССР говорить о кризисе было нельзя — советская психология, как никак, опиралась на «единственно верное учение». Поэтому кризис признавался существующим только в буржуазной психологии (об этом говорил, например, А.В. Петровский). Но и реплики о победах психологии сопровождались трагическими нотами. Вот пишет Б.Ф. Ломов: «Современное состояние психологической науки можно оценить как период значительного подъема в ее развитии» (Ломов, 1984, с. 4). И продолжает цитатой из статьи другого автора: «Психология созрела для революции, если уже не находится в ее разгаре» (там же). Если опираться на схему Т. Куна (а именно ее имеет в виду цитируемый Ломовым автор), то текст Б.Ф. Ломова можно перевести следующим образом: мы так хорошо движемся вперед, что еще немного и мы наконец сможем полностью отказаться от тех предпосылок, которые до сих пор развивали. Вообще ожидание революции, призывы к полному пересмотру психологических знаний, к переходу «на стиль мышления Галилея», к «коперниканскому перевороту» и т.д.

постоянно встречаются в текстах самых выдающихся ученых. А в нашем отечестве в постсоветский период обсуждение кризиса в психологии даже стало модным.

Тезис второй. Психология распалась на две почти независимые области — на *психологическую науку* и *психологическую практику*; на две противостоящие друг другу психологии — *естественно-научную* и *гуманитарную*. Психология допускает совершенно разные и часто противоположные способы объяснения, разные методы помощи человеку.

Комментарий. Множество одновременно существующих теорий — это, конечно, не очень хорошо, но не страшно. В физике сейчас существует больше десятка версий общей теории относительности — и это не пугает физиков. Просто у них пока нет возможности проверить в опыте, какая из них более правильная. Кризис в психологии вызван тем, что *все* психологические теории, скорее всего, неверны (о чем я и говорил в своей статье).

Распадение психологии на практику и науку тоже не является чем-то особенным. Есть, например, чистая математика и прикладная. То, что считается возможным в прикладной математике, «чистым математикам» кажется неточным, они ругают прикладников за использование «грязных» методов. В частности, с точки зрения чистой математики, недопустима почти вся прикладная статистика, которой так любят пользоваться психологи. Но — работает. Да и вообще: если в доме гаснет свет, то чинить проводку зовут электрика, а не физика, а не

академика — специалиста в области электродинамики. Практика, как и искусство, может питаться любыми идеями — не важно, верными или неверными, лишь бы они давали эффект. Не имеет значения, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда» (А. Ахматова). Можно плыть в Индию, а открыть Америку — и тебе поставят памятник в Барселоне. Изгнание беса может быть вполне эффективным психотерапевтическим приемом, хотя из этого и не следует, что бесы существуют. Другое дело, что неверные теории не помогают практике, они в лучшем случае лишь вдохновляют практиков как метафоры (так произошло, например, с гештальттерапией Ф. Перлза — он, по-видимому, даже не читал гештальтистов, их идеи ему пересказывала жена, работавшая в лаборатории К. Готшалда, и он был просто очарован словами «фигура и фон»). Однако чаще неверные теории только сбивают практиков с толку. Думается, что такую функцию выполняет, например, как я уже отмечал в своей статье, классификация психических процессов, которая, впрочем, обладает определенным сюрреалистическим остроумием.

Теперь о науке естественной и гуманитарной. Почему должно быть противопоставление? Впрочем, сами термины не слишком хорошо определены. Поэтому, особенно в советское время, естественно-научный подход в психологии связывался исключительно с физиологическими исследованиями, что категорически неправильно. На мой взгляд, вообще предпочтительнее говорить не о типах наук, а о типах исследований. В одной науке, как правило, исполь-

зуются разные типы исследований. Например, радиологический анализ археологических находок — это типичное естественно-научное исследование в классической «гуманитарной науке». А рассуждения И. Ньютона о правилах умозаключения в науке или толкование Н. Бором принципа дополнительности — пример гуманитарных построений в физике. Другое дело, что в конкретной науке можно выделить приоритетный тип исследования.

В чисто теоретическом исследовании ученые оперируют построенными ими самими умозрительными конструктами, опираясь на заданные или же специально придуманные правила оперирования. Главное требование — непротиворечивость рассуждений. Цель — построение моделей с полностью контролируруемыми параметрами. Такие исследования типичны для математики. Но не только. Показательный пример — схоластика. Известен анекдот о том, как Альберт Великий с Фомой Аквинским спорили: есть ли глаза у крота? Мимо проходил садовник и предложил им принести крота и посмотреть. «Да ты что! — ужаснулись мудрецы. — Мы же хотим знать, есть ли принципиальные глаза у принципиального крота». Теоретические исследования встречаются во многих науках, когда какие-то утверждения выводятся «на кончике пера» без обращения к опыту (именно так Дж. Максвелл выводит существование электромагнитных волн, П. Дирак — позитрона, а Б.Ф. Поршнева — появление неантропов в результате искусственного отбора архантропами особей с большими мозгами для их последующего поедания). В теоретико-экспериментальном

исследовании придуманные исследователями теоретические конструкции и полученные выводы интерпретируются на реальности, из этой интерпретации выводятся следствия, которые проверяются в специально организованных экспериментах или наблюдениях. Главное требование — проверка утверждений несколькими независимыми способами. Цель — постижение ненаблюдаемых причин наблюдаемых явлений. Такие исследования типичны для классических естественных наук, в первую очередь для физики. Как пояснил Дж. Максвелл (цит. по: Карцев, 1974, с. 175), «основная философская ценность физики в том, что она дает мозгу нечто определенное, на что можно положиться. Если вы окажетесь где-то не правы, природа сама сразу же скажет вам об этом». Наконец, есть эмпирические исследования: ученый регистрирует существование неких явлений, указывает диагностические признаки этих явлений, а если между явлениями обнаруживается какая-то связь, то выводит индуктивные обобщения. Главное требование — надежность фиксации данных и статистическая корректность индуктивных построений. Цель — описание и классификация наблюдаемых явлений. Эмпирические исследования типичны для таких наук, как зоология или география. Но встречаются они во всех науках. Гуманитарное исследование является частным случаем эмпирического исследования, где наблюдаемые явления (например, текст) классифицируются по смыслу. Главное требование — предлагая новую интерпретацию, продемонстрировать ее более мощный объяснительный

потенциал (новая интерпретация должна объяснять большее число наблюдений, или фрагментов текста, чем другие даваемые интерпретации). Цель — постижение смысла явлений.

Когда В.М. Розин высказывает сомнения по поводу того, что психология может быть построена по канону естественных наук, то он, на мой взгляд, хочет нас уверить в том, что психологические концепции не могут претендовать на постижение причин явлений, поскольку не могут подвергаться столь жесткой проверке, как это делается в физике. Однако из того, что это до сих пор плохо удавалось, не следует, что и вообще никогда не получится.

Тезис третий. Раз психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются, то нельзя говорить о психологических законах.

Комментарий. Не до конца понял сказанное. Начну с простого перефразирования: раз физические явления изменчивы (разве это не так?), а границы физических законов постоянно сужаются (например, законы ньютоновской механики при переходе к релятивистской), то нельзя говорить и о физических законах. Но ведь это абсурдно! И почему нельзя, скажем, говорить о гештальт-законе дифференциации фигуры и фона? Напомню формулировку: все, что человек воспринимает, он воспринимает как фигуру на фоне. Чем хуже первого закона Ньютона?

По-видимому, для В.М. Розина важно то, что «человек — это нечто единое и целостное, но и одновременно

постоянно меняющееся, ускользающее от определений»¹. Потому и законы все время кардинально меняются, а психологическая реальность «не может быть задана раз и навсегда». Тогда что же мы, господа психологи, изучаем? Полностью принимаю гуманистический пафос высказывания о вечном изменении человека. Но не понимаю, почему при этом исследование человека не может быть теоретико-экспериментальным.

Для примера рассмотрим метафору У. Джеймса о непрерывном потоке сознания: актуальное содержание сознания постоянно изменяется, никогда не останавливаясь. Сам У. Джеймс рассуждал на эту тему вполне гуманитарно: «Ясно, как Божий день, что состояния нашего ума никогда не бывают абсолютно тождественными. Каждая отдельная мысль есть *unicum* и имеет лишь родовое сходство с другими нашими мыслями о том же предмете» (Джеймс, 1911, с. 128). Но сегодня его метафору можно экспериментально доказать. В частности, оказывается, что неизменная стимуляция быстро перестает осознаваться или трансформируется. Действительно, не меняющееся по яркости и

цвету изображение, стабилизированное относительно сетчатки, при всем старании испытуемого не осознаётся через 1–3 с после начала предъявления; постоянный раздражитель умеренной интенсивности, действующий на слух или на кожу, очень скоро перестает замечаться; цветовой фон при продолжительной фиксации теряет свою цветность и начинает выглядеть серым (феномен цветовой адаптации); многократное повторение одного и того же слова или группы слов приводит к субъективному ощущению утраты смысла этих слов (феномен семантической сатиации). И т.д. Но вот что любопытно. У. Джеймс считал (вполне в духе В.М. Розина), что поскольку в один и тот же поток сознания нельзя вступить дважды, то не слишком продуктивно экспериментировать над сознанием, поскольку, мол, один и тот же эксперимент невозможно повторить. Тем не менее само его утверждение о потоке сознания получает экспериментальное подтверждение. Более того, как бы человек кардинально ни менялся, можно утверждать: содержание его сознания всегда будет течь непрерывным потоком. Вот это и есть один из законов

---

¹ Замечу, что строго определить нечто, существующее в реальности, вообще невозможно — непосредственно в словах реальность не содержится. Все слова ускользают от определений. Более ста лет назад Г. Фреге бросил вызов, и до сих пор самые рафинированные логики мира не могут определить, что означает слово «холостяк». Является ли, например, холостяком римский папа или мусульманин, еще не женившийся на третьей жене? В толковых словарях используются определения по кругу (пример из С. Лема: сепульки — это то, что стоит в сепулькаррии, а сепулькаррий — это место, где стоят сепульки). А математики и лингвисты предлагают опираться на изначально заданный набор неопределяемых слов (минимальный словарь или семантические примитивы). Тогда все можно определить строго, но смысл определений будет ускользать от нашего понимания. В естественных науках термин получает смысл не сам по себе, а вхождением в теорию.

(об отсутствии которых пишет В.М. Розин). А буквальное его понимание делает, например, неизбежным забывание (нельзя сохранять в актуальном содержании сознания нечто неизменное).

Тезис четвертый. Есть теории, созданные в рамках естественно-научного подхода (бихевиоризм, гештальт-психология, теория деятельности, теория Курта Левина); они давно вошли в золотой фонд психологии. А вот в когнитивной психологии царит ничем не управляемое мозаичное и эклектическое мышление, полная свобода от логики и последовательной мысли.

Комментарий. Признаюсь, этот тезис привел меня в тупик. Золотой фонд — это, конечно, замечательно. Но при чем здесь естественно-научный подход? Да, бихевиористы объявили себя сторонниками такого подхода. Но и З. Фрейд называл себя естественником, тем не менее вряд ли его построения стоит рассматривать как образец естественно-научных построений. Позитивистская ориентация бихевиористов заведомо превращает их в чистых эмпириков. О ненаблюдаемых причинах наблюдаемых явлений они говорить не могут. (Поэтому зачастую строят эти ненаблюдаемые причины на языке физиологии.) Никаких теорий — в подлинном смысле этого слова — у бихевиористов нет и быть не может. Их золотой конек — так называемые теории научения — внутренне противоречивы и не соответствуют опыту (см.: Аллахвердов, 2003, с. 104–130). Еще менее относятся к естественно-научным построениям гештальт-психология, теория деятельности и

теория К. Левина. А вот самой активной областью психологии, отстаивающей естественно-научный подход, сегодня выступает когнитивная психология. Да, когнитивные психологи отошли от идеалов, заложенных отцами-основателями, и стали дрейфовать к бихевиоризму (в итоге и Дж. Брунер, и У. Найссер выступили самыми суровыми критиками когнитивизма). Но и в своем исходе, и в наиболее развитом типе исследований именно когнитивисты демонстрируют склонность к тому стилю мышления, который можно назвать естественно-научным.

Тезис пятый. Постепенно происходит методологическое одичание психологов. Выход состоит в том, чтобы началось встречное движение с двух сторон: от частной, гуманитарно ориентированной методологии (как раздела философии) и от представителей самого цеха, заинтересованных в изменениях.

Комментарий. Остроумное и очень удачное словосочетание «методологическое одичание». Жаль, не я его придумал.

Но выход все же не просто в том, чтобы двигаться в компании с кем-то, пусть самым замечательным, но кто тоже не знает, как решать вечные проблемы. Выход в том, чтобы вместе или (что чаще бывает) поодиночке строить теории и проверять их в опыте. На правильные теории и практика будет ориентироваться. Даже политики тогда будут прислушиваться к голосу психологической науки (хотя бы так, как они прислушиваются к метеорологам). Но самое главное: жизнь вообще станет иной — гораздо более духовной.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Джеймс У. Психология. СПб., 1911.

Карцев В.П. Максвелл. М., 1974.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.